как распределялось влияние в регионе, с какими акторами ему приходилось взаимодействовать и как он выстраивал стратегию своего поведения, не будучи включенным в уже существующие горизонтальные сети. Чтобы понять, в каком контексте приходилось действовать А. Метелеву, стоит сказать о специфической ситуации 1930-х гг. Отметим два больших вызова, которые стояли перед центральной властью в это время.

Первый вызов подробно описывает Дж. Истер в книге «Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России»: это противостояние между центральной и региональными элитами в первой половине 1930-х гг., которое отражало внутригосударственную борьбу за власть. «Центр предпочитал "бюрократический абсолютистский" тип режима, в то время как руководители провинциальных партийных комитетов выступали за "протокорпоративный" тип режима»[2]. Неформальные ресурсы власти обеспечили руководителям провинциальных партийных комитетов некоторую независимость от государственных деятелей из центра, что в результате привело к конфликту между центром и региональным руководством. Руководители провинциальных партийных комитетов, которые хотели, чтобы центр считался с их мнением по вопросам, затрагивающим их регионы, и признал их элитарный статус как руководителей территорий и экономических руководителей, по существу представляли собой протокорпоративную альтернативу бюрократическому абсолютизму Сталина. Конечно, это вызвало резкий ответ центра. Сам ход борьбы за ограничение власти региональной политической элиты может быть важен для анализа нашего кейса. Как утверждает Истер, в 1930–1934 гг. центр разработал ряд мер, чтобы навязывать регионам политические решения: 1) манипулирование кадрами, 2) проведение в жизнь принятых в центре решений в обход региональных руководителей, 3) реорганизация аппарата контроля, 4) проведение нормативных кампаний[3].

Второй вызов — крайне несовершенная система управления в разных сферах советского хозяйства, о недостатках которой было хорошо известно центральной власти. К 1930-м гг. сложилась неформальная практика, когда на фоне сложной экономической ситуации и отсутствия эффективных институтов планирования и распределения ресурсов отдельным хозяйственникам разрешалось идти на крайние меры. Ш. Фицпатрик так описывает идеального руководителя 1930-х гг.: «Он не боялся месить грязь на стройке, был суров к себе и другим, если надо — безжалостен, неутомим и практичен. Перед директором стояла задача выжать из людей больше, чем они считали себя в состоянии дать, используя уговоры, запугивания, угрозы, арест — всё что угодно»[4]. Это не было секретом. Например, известный советский драматург Н. Погодин в 1932 г. написал пьесу «Мой друг», действие которой происходит на фоне строительства нового завода. Главный герой пьесы — товарищ Гай — вынужден преодолевать разные

трудности, чтобы запустить завод в срок. Для историка особенный интерес представляет изображение процесса руководства крупным предприятием и портрет директора завода — одного из «больших людей советской промышленности, командиров пятилетки — "миллионщиков"»[5]. По ходу пьесы становится ясно, что положение директора завода двусмысленное: ему дозволено практически всё, но эта вседозволенность разрешена Москвой только в том случае, если директор выполняет план. Представитель высшего хозяйственного руководства говорит Гаю: «Мы тебе будем оказывать решительное содействие. Если тебе будет мешать профсоюзный работник, — пусть это будет уважаемый товарищ, хороший товарищ, — отнимем партийный билет, выгоним из партии. Если тебе будет мешать партийный работник, — пусть это будет старый товарищ, уважаемый товарищ, — выгоним из партии. Если товарищ Гай, очень уважаемый товарищ, хороший товарищ, нам не пустит завод по плану, — отнимем партийный билет, выгоним из партии. А теперь говори, что тебе надо?» Скорее всего, драматург описал ситуацию, стандартную для 1930-х гг. Привлечение на главные стройки страны решительных, способных нестандартно мыслить и не бояться идти на конфликт людей было одной из удач советской политики управления: только так можно было добиться успеха в короткие сроки. Решительные действия отдельных хозяйственников на местах были негласно разрешенной схемой поведения в рамках специфической советской культуры управления.

В Сочи А. Метелев оказался в непростой ситуации. Формальные институты функционировали недостаточно эффективно, активно использовались негласно разрешенные схемы управления, стояла задача ограничения власти региональной политической элиты и, кроме всего прочего, необходимо было в кратчайшие сроки построить грандиозную Всесоюзную здравницу. Один из способов, к которым прибег А. Метелев для выполнения поставленных задач, — использование патронажных сетей[6]. В этом тексте мы сосредоточимся на отношениях между уполномоченным ЦИК СССР в Сочинском районе по курортным вопросам А. Метелевым (1934–1937 гг.) и представителями центральной власти. Обширная историография советского периода обращается, как правило, либо к проблеме патрон-клиентских отношений внутри политической элиты[7], либо к общим вопросам управления и администрирования[8]. Этот текст будет посвящен области пересечения этих двух сфер. Мы попытаемся проанализировать, в чем заключалась специфика обращения к патронажным сетям в контексте сложившихся к середине 1930-х гг. практик управления.

Неэффективность институтов

Противоречия между региональными властями и интересами Наркомата здравоохранения в части организации курортного отдыха существовали с начала 1920-х гг. Самым первым декретом «О лечебных местностях

общегосударственного значения» от 4 апреля 1919 г. были определены правовые аспекты существования курортов: все пространства лечебных местностей с постройками и инвентарем изымались из ведения Наркомзема и передавались в непосредственное ведение Наркомздрава[9]. Следующим декретом от 23 июня 1921 г. санатории и курорты обеспечивались фермами, виноградниками и огородами. Однако на данном этапе все хозяйства «принадлежали» Народному комиссариату земледелия, а Наркомздрав лишь мог пользоваться ими по соглашению. В это время Отдел лечебных местностей находился в зависимости от местных органов власти, поскольку с ними курортные управления должны были согласовывать свою деятельность[10]. Данное положение ограничивало самостоятельность куруправлений, заставляя их считаться с интересами местных чиновников.

С переходом к НЭПу 13 марта 1923 г. вышел декрет СНК «Об организации курортного дела», которым при Наркомздраве было образовано Главное курортное управление[11]. Все хозяйства, ранее контролировавшиеся Наркомземом, передавались данному отделению Наркомздрава, причем пользование ими ни в какой мере от местных властей не зависело. ГКУ также приобрело право застройки находящихся в его распоряжении участков[12]. Местные власти теперь не могли напрямую влиять на политику Курортного управления. Также Наркомздраву было предоставлено право эксплуатации естественных богатств в пределах округов охраны курортов и вне их[13].

В 1926 г., «учитывая укрепление местных органов власти и значительно большие экономические возможности мест», руководство курортами стало менее централизованным, часть их была передана в управление местным органам при сохранении единства планирования курортного дела в стране[14]. В 1932 г. в составе Наркомздрава было учреждено Всероссийское объединение курортов и курортных предприятий РСФСР (ВОК)[15]. Постановлением СНК все санатории и другие лечебные учреждения на курортах Закавказья, Крыма, Северного Кавказа, Одессы, Восточной Сибири и кумысные курорты объединялись в тресты общесоюзного значения. Всего трестов было 11, все остальные курорты предлагалось считать курортами местного значения и оставить в ведении Наркомздравов союзных республик[16].

В результате успешного лоббирования Наркомздрав и отдел управления курортами в его составе постепенно получили контроль над огромными ресурсами — прежде всего территориальными. Это стало причиной конфликтов на местах: Наркомздрав требовал перевода под свой контроль земель, признанных лечебными местностями, несмотря на то что эти земли были заняты поселками, совхозами и предприятиями. Региональные власти не торопились выполнять подобные требования, и в этом иногда шли против распоряжений центра[17].

Подобные конфликты были нередки еще и потому, что орган управления курортным делом — Всероссийское объединение курортов и курортных пред-

приятий (далее — ВОК) Наркомздрава РСФСР (с 1936 г. — СССР) на протяжении десятилетий не мог обеспечить эффективное и последовательное управление, не мог выработать долгосрочную стратегию развития и взаимодействия с региональными властями[18]. Эта ситуация периодически обсуждалась в самом Наркомздраве, предпринимались попытки ее исправить, ВОК претерпевал многочисленные реорганизации, однако в предвоенный период этого не удалось сделать. Учитывая неопределенность в разделении функций и полномочий как внутри ВОК, так и во взаимодействии с другими структурами (местные власти, профсоюзы), можно говорить о том, что центральный орган управления курортами не мог контролировать в полной мере курортное строительство, оставляя значительные возможности для самоуправства местных властей и ведомств. Таким образом, к началу 1930-х гг. сложилась ситуация, когда формально у ВОК были значительные полномочия, однако институциональная слабость ВОК не позволяла ему эффективно их реализовывать[19].

Особый статус Сочи

Строительство сочинского курорта имело большое значение для центральной власти. Курорт Сочи должен был стать важной частью стратегии репрезентации советской власти, ее могущества, богатства и заботы о своих гражданах. 17 января 1933 г. ЦИК и СНК СССР было принято постановление «О реконструкции Сочинского курорта», в котором ставилась цель сделать его Всесоюзной здравницей[20]. Существующих формальных институтов было недостаточно для выполнения грандиозной задачи. Поскольку задача ставилась очень большая и средства выделялись соответствующие (400 млн р. во второй пятилетке), правительство решило взять это строительство под контроль и делегировать туда должностное лицо, которое будет подчиняться непосредственно центру. Решение о создании должности уполномоченного ЦИК СССР по строительству Сочи-Мацестинского курорта и наделении его исключительными полномочиями было принято 9 октября 1933 г.[21] На уполномоченного возлагалось регулирование курортного строительства; отведение участков под строительство здравниц; наблюдение за должным состоянием водопровода, освещения и т. д.; наблюдение за коммунальным строительством в районе; наблюдение за правильной эксплуатацией зеленого хозяйства района; наблюдение за развитием сельского хозяйства района; контроль над продовольственным снабжением и торговлей на курорте[22]. Уполномоченному подчинялись органы местной советской власти, Курортного управления и Центрального управления социального страхования. Исследователи считают, что таким образом уполномоченный получил всеобъемлющую власть в районе и называют ее «региональной монархической»[23]. Выше мы упоминали, что решительные действия хозяйственников на местах были негласно разрешенной схемой поведения в рамках

специфической советской культуры управления. В этой ситуации официальное закрепление полномочий уполномоченного и прямое подчинение его ЦИК и СНК было формализацией уже сложившейся практики.

Первым уполномоченным стал А. Метелев. Его партийная биография весьма разнообразна. Он вступил в РСДРП(б) в 1912 г., в 1912–1914 гг. был одним из организаторов профсоюзного рабочего журнала «Металлист» и работал сотрудником большевистского журнала «Вопросы страхования». Активно участвовал в Февральской и Октябрьской революциях в Петрограде, в конце 1917 — начале 1918 г. участвовал в боях на Дону и на Кубани. С 1918 г. был на партийной работе в Архангельске, потом работал в Пензенском губисполкоме. Весной 1920 г. был назначен секретарем Майкопского ревкома, с января 1921 г. стал членом Кубано-Черноморского облисполкома. В середине 1921 г. он был отозван в Москву, где сначала занимал пост управляющего Кремлем и домами Советов ВЦИК, а затем заведовал административно-хозяйственным отделом ВЦИК. В 1925 г. он работал заместителем редактора газеты «Известия» по хозяйственной части, в 1927–1933 гг. — на ответственном посту в Наркомате финансов, в Зернотресте. С октября 1933 — уполномоченный ЦИК СССР по строительству Сочи-Мацестинского курорта.

Деятельность А. Метелева на посту уполномоченного ЦИК

Результат деятельности А. Метелева всё еще производит впечатление — для жителей Большого Сочи он до сих пор остается легендарной личностью. Во многом благодаря его усилиям в городе были построены водопровод, канализация, многие здравницы, дороги, осушены болота, укреплены берега и т. д. Однако исключительные полномочия стали причиной острого конфликта между А. Метелевым и краевыми властями, областным комитетом партии и горкомом.

А. Метелев, став уполномоченным ЦИК в Сочинском районе по курортным вопросам, в полной мере стал пользоваться своими исключительными полномочиями. Так, вскоре после своего назначения он сообщал в Москву: «29 сентября [1934 г.] Сочинский горсовет вопреки постановлению отвел Азово-Черноморскому крайисполкому участок земли <...> под санаторное строительство указанного края. <...> Я предложил Сочинскому горсовету немедленно отменить свое решение. Вместо отмены своего решения — председатель Сочинского горсовета — Мотузко прислал мне грубое письмо с отказом выполнить мое указание, заявляя, что приказы Уполномоченного ЦИК Союза не являются директивными указаниями для Сочинского горсовета. За нарушение установленного порядка <...> председатель Сочинского горсовета Мотузко мною подвергнут аресту на 20 суток»[24]. Похожая ситуация повторилась в 1936 г., когда в связи

с постройкой Сочинского моста и прокладкой новой дороги рядом с Ривьерой потребовалось снести барак, который принадлежал строительству санатория Наркомвода. А. Метелев отдал соответствующее распоряжение в январе 1936 г., однако во время пребывания уполномоченного в Москве помощник прокурора г. Сочи т. Озол приостановил это переселение и снос барака. В письме к М. Калинину от 16 мая 1936 г. А. Метелев описывает свои дальнейшие действия: «Узнав об этом, по возвращении из Москвы, я действительно позвонил т. Озолу и заявил ему, что мое распоряжение может быть отменено только ЦИК Союза ССР, и предложил т. Озолу впредь не вмешиваться в мои распоряжения, в противном случае я вынужден буду по отношению к нему применить постановление ЦИК СССР от 17 октября 1933 г. вплоть до ареста»[25]. В октябре 1935 г. под арест на трое суток был помещен директор Сочинского курупра Рогачевский за «самовольное снижение концентрации сероводорода в мацестинской воде, небрежное отношение к служебным обязанностям в части встречи больных и ухода за больными в санаториях»[26].

А. Метелев действовал весьма решительно и в других вопросах, касающихся строительства нового советского курорта. Например, раздумывая о том, какой облик должен быть у Всесоюзной здравницы, он считал, что стоит ориентироваться на европейские и американские образцы устройства курортов[27]. Техническое решение и художественное оформление Курортного проспекта — главной улицы Сочи — также было сделано с учетом американского опыта. Даже в репрезентационных материалах уполномоченный вдохновлялся отнюдь не советским искусством[28]. Это обращение к западным образцам происходило на фоне утверждения метода социалистического реализма в культурной политике, который был признан в первой половине 1930-х гг.[29] единственно верным для советского искусства. Очевидно, у А. Метелева было четкое представление, каким должен стать курорт Сочи-Мацеста, и для достижения этой цели он пользовался всеми возможными средствами.

Известная помощь

В каком-то смысле подобная свобода действий была предусмотрена постановлениями от 17 января и 17 октября 1933 г. Однако личное письмо И. Боеву, служащему советского представительства в Нью-Йорке, в котором уполномоченный обмолвился о некоем покровителе или покровителях: «Дела мои идут пока неплохо, план выполняем, известную помощь имею крепкую, остальное зависит от меня»[30], — заставляет обратить внимание на тех людей, к которым обращался А. Метелев, выполняя работу в Сочи. Исследователь В. Костиников, хорошо знакомый с деятельностью А. Метелева на посту уполномоченного, говорит о том, что А. Метелев получал поддержку от А. Енукидзе[31]. Для того чтобы понять, в какой степени А. Енукидзе мог быть патроном А. Метелева,

стоит обратиться к его переписке с представителями центральной политической элиты, обратить внимание, насколько доступным для уполномоченного был доступ к тем, кто принимал большие решения. А. Метелев постоянно переписывался с М. Калининым[32], А. Енукидзе[33], Н. Пахомовым, К. Ворошиловым[34], И. Уншлихтом[35], И. Акуловым[36]. Гораздо реже А. Метелев писал напрямую И. Сталину. Особый интерес вызывает переписка с А. Енукидзе как с предполагаемым патроном и Н. Пахомовым, поскольку именно в письмах к нему А. Метелев не просто отчитывается о проделанной работе, но и просит поддержки и совета.

В действительности А. Метелев не так часто писал напрямую А. Енукидзе. Тем интереснее представляется письмо, написанное 15 августа 1934 г. по итогам встречи с И. Сталиным на даче № 9 в Сочи. В нем А. Метелев непривычно подробно, в деталях описывает ход встречи, приводит слова И. Сталина и С. Кирова, который также присутствовал при встрече, рассказывает о вопросах, которые обсуждались (проекты застройки долины Мацесты, отдельные вопросы оформления, варианты постройки гидроэлектростанции, электрификация ж/д участка Сочи–Адлер, приоритетные направления благоустройства, строительство морских сооружений, архитектурный проект сочинского театра, привлечение Жолтовского на год в Сочи, и многих других). Это действительно очень подробное письмо — фактически набросок плана на 1935 г., о чем упоминает А. Метелев. В конце письма он добавляет: «Об этом разговоре я счел необходимым сообщить Вам для сведения»[37]. Это письмо по форме напоминает отчет подчиненного. Письма Н. Пахомову имели совершенно другой тон и иное содержание.

Н. Пахомов был начальником хозяйственного управления ЦИК СССР, информации о нем мало, однако достаточно, чтобы понять, что в руках Пахомова находились значительные ресурсы. Особый административно-хозяйственный аппарат, который заведовал зданиями Кремля и домами ВЦИК, был создан постановлением Президиума ВЦИК РСФСР 7 мая 1919 г. и назывался «Управление Кремлем и домами ВЦИК». В дальнейшем был проведен ряд реорганизаций и в результате последней в сентябре 1932 г. было создано Хозяйственное управление ЦИК СССР. Было принято Положение о Хозяйственном управлении, его структуре и штатах. Функции Хозуправления ЦИК со временем значительно расширялись. С 1932 г. на него возлагалось планово-оперативное и хозяйственно-техническое руководство всей деятельностью домов отдыха, совхозов, находившихся в ведении ЦИК СССР, домов Советов; составление перспективных ежегодных производственно-финансовых планов, балансов, проектов нового строительства и ремонта, сельскохозяйственных кампаний, распоряжение всеми кредитами, открытие и закрытие счетов, финансирование домов отдыха и домов Советов, а также организация снабжения, в том числе продуктовыми пайками, распределение мест в домах отдыха и квартир в домах ЦИК СССР, организация мероприятий по улучшению бытового и культурного

обслуживания сотрудников ЦИК СССР и учреждений его системы. В таком виде хозуправление просуществовало до 1938 г. 16 апреля 1938 г. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР «О реорганизации аппарата Президиума Верховного Совета СССР» Хозяйственное управление ЦИК было ликвидировано. Дома Советов, некоторые дома отдыха, часть дачных и подсобных хозяйств, состоящих на балансе ХОЗУ ЦИК, передавались в распоряжение ХОЗУ Управления делами СНК СССР.

Необходимо отметить, что грандиозный вклад в реорганизацию и строгий контроль над всеми многочисленными отделами и секторами ХОЗУ ЦИК СССР внес его первый заведующий (чаще в документах упоминается «начальник ХОЗУ ЦИК») Николай Иванович Пахомов. Известно о нем, к сожалению, немного. Н. И. Пахомов родился в 1893 г. в Орловской губернии, деревне Лошково. На свою должность был назначен по протекции ответственного секретаря Секретариата ЦИК СССР А. С. Енукидзе. 29 июля 1938 г. на основании приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР Н. И. Пахомов был расстрелян и захоронен на спецполигоне НКВД «Коммунарка» (Ленинский район Московской области)[38]. Историк-краевед А. Артамонов, который сообщает, что А. Енукидзе покровительствовал Н. Пахомову, к сожалению, не приводит весомых доказательств. Поэтому, рассуждая о неформальных сетях, в которые они могли быть включены, мы должны помнить, что это во многом предположение. Например, из письма К. Ворошилова А. Енукидзе от 7 сентября 1933 г. становится ясно, что Н. Пахомов, К. Ворошилов и И. Сталин обсуждали плохую подготовку дач, санаториев и домов отдыха за месяц до создания должности уполномоченного. Особенное возмущение вызвал уровень медицинского обслуживания: «Нужно их перешерстить и дело поставить по-другому, вот и всё». К. Ворошилов писал: «Я не буду тебя утруждать перечислением вопросов, которые мы здесь предварительно обсудили — т. Пахом[ов] подробно тебе доложит лично»[39]. Точно определить место Н. Пахомова в иерархии партийной системы сложно, однако очевидно, что он был активным актором, когда дело касалось реализации курортной политики в Сочи.

Начальнику хозуправления ЦИК А. Метелев писал часто и по срочным, повседневным делам: «Курц направляет большие партии интуристов, помещения абсолютно нет, договоритесь Курцем»[40]; просил «нажать» на Попова, чтобы тот в срочном порядке отгрузил хотя бы 10 легковых автомобилей[41]. Ему же А. Метелев открыто сообщал, что брошюры о Сочи были изданы по американскому образцу[42]. Н. Пахомову уполномоченный писал в ситуации, когда ему нужно заручиться поддержкой руководства[43].

Интересно, как по-разному А. Метелев формулировал просьбу о поддержке, обращаясь к разным людям в ЦИК СССР по поводу одной проблемы — плохой подготовки «Кавказской Ривьеры» к летнему сезону 1936 г. Прося Н. Пахомова приехать в Сочи, он писал: «...иначе наши хозяйственники тебя и меня крепко подведут и дело кончится большой неприятностью, особенно

по “Кавказской Ривьере”, где никто ничего не делает. <...> Ни одно указание Михаила Ивановича [Калинина] по благоустройству “Кавказской Ривьеры” — не выполняется»[44]. В этот же день А. Метелев обратился к И. Уншлихту с просьбой прислать Н. Пахомова в Сочи с целью разобраться с руководителями сочинских домов отдыха ЦИК СССР, которые саботируют подготовку в летнему сезону: «Крайне необходим выезд в Сочи тов. Пахомова, хотя бы на 2–3 дня. Дома отдыха, особенно Ривьера, не готовятся к курортному сезону, <...> причем все ссылаются на тов. Пахомова, отсутствие средств и т. д. <...> Неприятнее всего то, что “Кавказская Ривьера” не выполняет ни одного указания Михаила Ивановича [Калинина]»[45]. Об этой же ситуации двумя неделями позже он сообщил М. Калинину: «Опасаюсь, что т. Степанов сорвет установленный Вами срок окончания стройки. Я нажимаю, а т. Радин из Москвы телеграфирует, что мое требование незаконно и демобилизует т. Степанова в части подготовки “Ривьеры” к сезону. Жду приезда т. Пахомова, чтобы утрясти все вопросы по домам отдыха ЦИКС»[46]. Таким образом, А. Метелев считал нужным отчитываться перед представителями разных уровней власти в ЦИК, однако реальной помощи ожидал от Н. Пахомова — с ним он общался дружески, часто обращался на «ты».

Известно и о переписке между Н. Пахомовым и А. Енукидзе: начальник хозуправления ЦИК описывал состояние дел на курорте, рассказывал о проблемах и достижениях. Отдельно высоко оценивал работу А. Метелева и сообщал, что они вместе с уполномоченным «наметили, какие работы необходимо проделать теперь, и какие в 1935 г.»[47].

Необходимо отметить, что А. Метелев активно переписывался и с М. Калининым по совершенно разным вопросам. Однако тон писем М. Калинину значительно отличался от тех, что были написаны Н. Пахомову. Письма, которые отправлялись М. Калинину, скорее можно охарактеризовать как развернутые информационные, содержавшие общие данные о состоянии дел на курорте. А. Метелев практически никогда не писал М. Калинину о каких-либо повседневных сложностях и не просил помощи в реализации своих полномочий. В сложных ситуациях А. Метелев обращался к М. Калинину, чтобы объяснить и обосновать свои действия в ситуации конфликта с помощником прокурора г. Сочи т. Озолом и получить защиту от нападок прокурора СССР Вышинского[48]. Однако именно М. Калинину А. Метелев написал 21 апреля 1937 г., за две недели до собственного ареста, сообщая о больших неприятностях. Он рассказывал об аресте органами НКВД своего заместителя Ксенофонтова — факт, который явился для него «совершенно неожиданным, и, разумеется, очень неприятным». А. Метелев высказал предположение, что Ксенофонтов был арестован «скорее всего, по Цудортрансовским делам». Кроме того, он упоминал, что собирается на партконференцию в Кисловодск и ожидает там услышать критику[49]. Хотя А. Метелев прямо не просит о помощи, сам тон письма и, в частности, упоминание о врагах или критиканах свидетельствует, что он пытался

заручиться поддержкой М. Калинина. А. Енукидзе к тому времени уже потерял свое влияние и был арестован 11 февраля 1937 г. в Харькове.

Неизвестно, пытался ли М. Калинин вступиться за А. Метелева. В. Костиников предполагает, что судьба Уполномоченного ЦИК была решена тогда же, когда А. Енукидзе лишился своего влияния. Он приводит письмо Сталина Кагановичу, Ежову и Молотову от 7 сентября 1935 г.: «...назначение Енукидзе уполномоченным ЦИКа создало двусмысленное положение для партии, правительства и местных организаций в Кисловодске. Он исключен из партии и вместе с тем он выше местных организаций по положению, так как он является уполномоченным ЦИКа. Так как Енукидзе не сознаёт своего падения, а скромностью он не страдает, то он берется контролировать местные организации, дает им задание, распределяет ответственных товарищей по санаториям, дает им помещение и вообще действует так, как например, Метелев в Сочи... Я думаю, что надо немедля ликвидировать допущенную ошибку»[50]. Н. Пахомов «продержался» дольше А. Метелева и А. Енукидзе, однако в 1938 г. также был осужден и приговорен к расстрелу.

Субинститут

Можно ли на основании имеющихся источников утверждать, что А. Метелев, Н. Пахомов и А. Енукидзе связывали патрон-клиентские отношения? Мы можем допустить, что в этой схеме Н. Пахомов занимает место «брокера», связывая «клиента» А. Метелева и «патрона» А. Енукидзе; во всяком случае до «падения» А. Енукидзе в 1935 г. Однако в этой схеме есть влияние специфического контекста 1930-х гг. Первое, что обращает на себя внимание — переписка, которую вел А. Метелев, касалась исключительно рабочих вопросов. Ни к Н. Пахомову, ни к А. Енукидзе он, насколько нам известно, никогда не обращался с личными просьбами, которые могли бы принести ему персональную выгоду, он просил поддержки только в профессиональных спорах. Конечной целью победы в профессиональных спорах были не попытки достичь личного благополучия, а стремление лучшим образом выполнить возложенные на него обязательства. Это позволяет нам говорить о специфическом характере патрон-клиентских отношений на примере выбранного кейса. С одной стороны, отношения, которые мы рассматриваем, были иерархичными, повторяющимися, личными и относительно реципрокными. Однако они имели одну особенность: в определенной степени они были искусственно созданы государством. Должность уполномоченного предполагала прямую подотчетность ЦИК СССР, в обход существующих институтов и учреждений. Предусматривалось личное общение: власть на месте специальным образом концентрировалась в руках одного человека, не включенного в большую бюрократическую структуру. Неформальные практики — общение напрямую, не через аппарат — даже

приветствовались, поскольку всем было известно, как плохо и неэффективно работали существующие формальные институты, затягивающие принятие решений до бесконечности. Ш. Фицпатрик писала: «Плохое функционирование советской правовой системы — еще одна черта сталинского общества, которая делала патронаж — так же, как и его более скромный аналог, практику ходатайств — жизненной необходимостью»[51].

Если мы вернемся к теории Д. Истера, о которой говорилось вначале, то ответ на вопрос, «кто патрон и почему», может быть несколько иным. Д. Истер утверждает, что в первой половине 1930-х гг. центральная власть предпринимает попытки разрушить неформальные сети региональных политических элит. Если допустить, что патроном в этой ситуации является государство (поскольку полномочия А. Метелеву даны не отдельными акторами, а безличной центральной властью), то интерпретация функции должности уполномоченного может несколько измениться. Появление в регионе сильного актора с исключительными полномочиями и прямой подотчетностью центру, безусловно, должно было нарушить сложившуюся на местах систему взаимодействия партийных органов, советских органов, чиновников различных ведомств, администрации города и края — т.е. существенно повлиять на горизонтальные связи в регионе. В 1936 г. А. Метелев сообщил М. Калинину, что «край полностью сменил руководство в городской, партийной и советской организациях»[52]. Видимо, должность уполномоченного стала своеобразным механизмом дестабилизации сложившихся институтов с целью разрушения неформальных сетей и патрон-клиентских отношений на уровне региона.

Таким образом, можно говорить, что патрон-клиентские отношения выполняли специфические функции в контексте сложившихся к середине 1930-х гг. практик управления и вызовов, стоявших перед центром. Являясь неформальным институтом, патронажные сети, инициированные центром и альтернативные уже существующим в регионах, не препятствовали, а помогали процессу формализации институтов в рамках общей централизации власти. В ситуации неразвитых или неэффективных институтов (как в Советской России 1930-х гг.) патронаж являлся той самой неформальной их частью, которая позволяла им эффективно функционировать.

1 Цит. по: *Артюхов С.* История Большого Сочи: 1920–1941 гг. Сочи, 2007. С. 39.
2 *Истер Дж.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. С. 131.
3 Там же. С. 160.
4 *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 43.

[5] *Погодин Н.* Мой друг. Представление в 3 действиях с эпилогом. М., 1935.

[6] В самом общем виде клиентелистские / патронажные отношения характеризуются как взаимовыгодные, личные (предполагающие эмоциональную связь), продолжительные (не одномоментные) и иерархичные (между неравными партнерами).

[7] *Истер Дж.* Советское государственное строительство; *Kaplan V.* Weathering the Revolution: Patronage as a Strategy of Survival // Revolutionary Russia. 2013. Vol. 26. N 2. P. 97–127; *Хлевнюк О.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996; *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России. XX век. М., 2011.

[8] *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М., 2006; *Блюм А., Меспуле М.* Бюрократическая анархия. Статистика и власть при Сталине. М., 1999; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм.

[9] Декрет о лечебных местностях общегосударственного значения от 4 апреля 1919 г. в сб.: Декреты, постановления и положения по курортному делу — СНК, ВЦИК, РСФСР и III Всероссийского научного съезда [Постановления III Всероссийского Съезда по курортному делу] // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. А-483. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.

[10] Декрет об управлении лечебными местностями (курортами) общегосударственного значения от 23 июня 1921 г. // Там же. Л. 5.

[11] Декрет Совета Народных Комиссаров об организации курортного дела // ГА РФ. Ф. А-483. Оп. 1. Д. 2. Л. 33 об.

[12] Положение о Главном Курортном Управлении // ГА РФ. Ф. А-483. Оп. 2. Д. 2. Л. 44.

[13] Декрет СНК об организации курортного дела // Там же. Л. 30.

[14] Основы санаторно-курортного дела. М., 1966. С. 10.

[15] Устав Всероссийского объединения курортов и курортных предприятий Народного Комиссариата Здравоохранения РСФСР от 25.11.1932 // ГА РФ. Ф. Р-9228. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

[16] Постановление ЦИК и СНК СССР по реорганизации курортного дела в СССР от 7 июля 1932 г. // Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР, 1925–1940. М., 1973. С. 180–181.

[17] Письмо в Главное курортное управление (не датировано, приблизительная датировка: 1923–1925 гг.) // Архивный отдел администрации г. Сочи (далее — АОАГС). Ф. Р-24. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 61.

[18] Стенограмма совещания директоров и главных врачей курортов Союзкурорта НКА СССР от 27 февраля 1938 г. // ГА РФ. Ф. Р-9228. Оп. 1. Д. 23. Л. 26, 34, 67, 81, 104, 111, 113, 140; Протокол вечернего заседания директоров и главврачей курортов Союзкурорта от 28 февраля 1938 г. // ГА РФ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 23. Л. 233, 241; Докладная записка управляющего трестом «Курортстрой» Тесленко Наркому здравоохранения Болдыреву (1937 г.) // АОАГС. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 21.

[19] *Кузнецова Л.* Курортное строительство в 1920-е–1950-е гг.: вопросы организации и управления // Труды Института российской истории. М., 2014. Вып. 12. С. 244–263.

[20] Цит. по: *Артюхов С.* История Большого Сочи: 1920–1941 гг. Сочи, 2007. С. 39.

[21] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об уполномоченном Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР в Сочинском районе по курортным вопросам» от 9 октября 1933 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 932. Л. 18.

[22] Там же.

[23] *Артюхов С.* История Большого Сочи. С. 40–42.

[24] А. Д. Метелев — Л. М. Кагановичу (копия — М. И. Калинину) 7 октября 1934 г. См.: «Сочи строятся дорого, но хорошо» // Родина. 2008. № 1. С. 95–96.

[25] *Костиников В.* Всё уже было // Черноморская здравница. 2008. 22 ноября. С. 2.

[26] Докладная секретарю ЦИК СССР Акулову // АОАГС. Ф. Р-3. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 103.

[27] Переписка с французским синдикатом «Интурист» о присылке рекламных материалов курортов Франции 1936–1937 гг. // АОАГС. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–6; Переписка с советским представительством в Нью-Йорке о присылке рекламного материала американских курортов 1935 г. // АОАГС. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 52. Л. 4–8.

[28] Письмо А. Метелева Н. И. Пахомову (август 1936 г.) // АОАГС. Ф. Р-3. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 226.
[29] Термин впервые был упомянут в «Литературной газете» 23 мая 1932 г.
[30] Переписка с советским представительством в Нью-Йорке о присылке рекламного материала американских курортов 1935 г. Л. 7.
[31] *Костиников В.* Всё уже было. С. 2.
[32] Председатель ЦИК СССР.
[33] 1922–1935 гг. — секретарь ЦИК СССР. В марте 1935 г. был снят с поста в ходе расследования «Кремлевского дела». В мае 1935 г. был «сослан на Кавказ» — назначен уполномоченным ЦИК по Минеральводской группе. В 1936 г. был назначен директором Харьковского облавтотранстреста. 11 февраля 1937 г. арестован в Харькове. 29 октября 1937 г. приговорен за «активное участие в антисоветском правотроцкистском центре» к высшей мере наказания. А. Метелев осужден и приговорен к расстрелу по тому же делу.
[34] Нарком обороны СССР.
[35] В 1933–1935 гг. начальник Главного управления Гражданского воздушного флота при СНК СССР. С февраля 1935 г. секретарь ЦИК СССР. 11 июля 1937 г. арестован. Позже приговорен к расстрелу.
[36] С 3 марта 1935 г. секретарь ЦИК СССР, до этого возглавлял только что созданную Прокуратуру СССР. 23 июля 1937 г. арестован. Позже приговорен к расстрелу.
[37] См.: А. Метелев — А. Енукидзе в: «Сочи строятся дорого, но хорошо». С. 92–93.
[38] Вся информация о ХОЗУ ЦИК СССР и Н. Пахомове цитируется по книге: *Артамонов А.* Спецобъекты Сталина. Экскурсия под грифом «секретно». М., 2013.
[39] См.: К. Ворошилов — А. Енукидзе от 7 сентября 1933 г. в: «Сочи строятся дорого, но хорошо». С. 89–90.
[40] Телеграмма А. Метелева Н. Пахомову от 3 августа 1936 г. // АОАГС. Ф. Р-3. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 222.
[41] Письмо А. Метелева Н. Пахомову // Там же. Л. 225.
[42] Там же. Л. 226.
[43] Письмо А. Метелева Н. Пахомову от 10.03.1936 г. // Там же. Л. 209.
[44] Там же. Л. 211.
[45] Письмо А. Метелева И. Уншлихту от 13.03.1936 г. // Там же. Л. 41.
[46] См.: «Сочи строятся дорого, но хорошо» // Родина. 2008. № 2. С. 96–97.
[47] Родина. 2008. № 1. С. 91.
[48] См.: «Сочи строятся дорого, но хорошо» // Родина. 2008. № 2. С. 98.
[49] Там же. С. 100.
[50] *Костиников В.* Всё уже было. С. 2.
[51] *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! С. 232.
[52] «Сочи строятся дорого, но хорошо» // Родина. 2008. № 2. С. 97.

References

ARTAMONOV A. *Spetsob'ekti Stalina. Exkursia pod grifom "sekretno"* [Special objects of Stalin. Tour under the "secret"]. Moscow, 2013.

ARTUKHOV S. *Istoria Bolshogo Sochi: 1920–1941 gg.* [History of the Big Sochi: 1920–1941]. Sochi, 2007.

BLUM A., MESPOULET M. *Burokraticheskaya anarkhia. Statistika i vlast' pri Staline* [Bureaucratic anarchy. Statistics and power under Stalin]. Moscow, 1999.

GREGORY P. *Politicheskaya ekonomia stalinisma* [The Political Economy of Stalinism]. Moscow, 2006.

EASTER G. *Sovetskoe gosudarstvennoe stroitelstvo. Sistema lichnikh svyazei i samoidentifikatsia eliti* [Reconstructing the State: Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia]. Moscow, 2006.

KOSTINIKOV V. *Vsyo uzhe bilo* [Everything has already been] // Chernomorskaya zdravnitsa. 2008. Noyabrya 22. S. 2.

KUZNETSOVA L. *Kurortnoe stroitelstvo v 1920–1950 gg.: voprosi organizatsii i upravlenia* [The resort construction in the 1920s–1950s: issues of organization and management] // Trudi Instituta rossiiskoi istorii. Moscow, 2014. Vip. 12. S. 244–263.

FITZPATRICK SH. *Povsednevnii Stalinism. Sotsialnaya istoria Sovetskoi Rossii v 30-e gg.: gorod* [Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s]. Moscow, 2001.

FITZPATRICK SH. *Srivaite maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii. XX vek* [Tear Off the Masks!: Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia]. Moscow, 2011.

KHLEVNIUK O. *Politburo. Mekhanizmi politicheskoi vlasti v 1930e gg.* [Politburo. Mechanisms of political power in the 1930s]. Moscow, 1996.

KAPLAN V. *Weathering the Revolution: Patronage as a Strategy of Survival* // Revolutionary Russia. 2013. Vol. 26. N 2. P. 97–127.

Список литературы

Артамонов А. Спецобъекты Сталина. Экскурсия под грифом «секретно». М., 2013.

Артюхов С. История Большого Сочи: 1920–1941 гг. Сочи, 2007.

Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия. Статистика и власть при Сталине. М., 1999.

Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2006.

Истер Дж. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010.

Костиников В. Всё уже было // Черноморская здравница. 2008. 22 ноября. С. 2.

Кузнецова Л. Курортное строительство в 1920-е-1950-е гг.: вопросы организации и управления // Труды Института российской истории. М., 2014. Вып. 12. С. 244–263.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России. XX век. М., 2011.

Хлевнюк О. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996.

Kaplan V. Weathering the Revolution: Patronage as a Strategy of Survival // Revolutionary Russia. 2013. Vol. 26. N 2. P. 97–127.

Л. А. Кузнецова. «Известную помощь имею крепкую»: патронаж в системе советского администрирования

В статье предпринимается попытка анализа специфики обращения к патронажным сетям в контексте сложившихся к середине 1930-х гг. практик управления на примере строительства курорта Сочи-Мацеста. Основным источником является переписка уполномоченного ЦИК СССР по строительству Сочи-Мацестинского курорта А. Метелева с представителями центральной политической элиты. Обращается внимание на специфический характер патрон-клиентских отношений, которые приветствовались и поощрялись государством, так как помогали управлять более эффективно в ситуации, когда существующие формальные институты работали плохо и неэффективно. Формулируется предположение, что должность уполномоченного стала своеобразным механизмом для дестабилизации сложившихся институтов с целью разрушения неформальных сетей и патрон-клиентских отношений на уровне региона. Выдвигается тезис, что патронажные сети, являясь неформальным институтом, инициированные центром и альтернативные уже существующим в регионах, не препятствовали, а помогали процессу формализации институтов в рамках общей централизации власти.

Ключевые слова: А. Метелев, Сочи-Мацеста, курортное строительство, патрон-клиентские отношения, сети, администрирование.

L. A. Kuznetsova. "I Get Good Help": Patronage and the Soviet Management System

The article analyzes the specifics of patronage in the political context of mid-1930s management practices on the example of the resort Sochi-Matsesta' construction. The main source is the correspondence between

A. Metelev and the central political elite. The article pays attention to the specific variant of the patron-client relations, which were welcomed and encouraged by the state, as they helped to manage more effectively in a situation when the existing formal institutions worked poorly and inefficiently. The article shows that the position of A. Metelev has become a kind of mechanism for destabilizing the existing institutions in order to destroy informal networks and patron-client relations at the regional level. In general, patronage networks, although they were an informal institution, were initiated by the center in order to create an alternative for regional networks. In this form, they did not impede, but helped the process of formalization of institutions within the framework of the general centralization of power.

Key words: A. Metelev, Sochi-Matsesta, resort construction, patron-client relations, networks, management.

Кузнецова, Людмила Анатольевна — старший преподаватель кафедры новейшей истории России, научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета.

Kuznetsova, Lyudmila A. — Lecturer, Department of Contemporary Russian History; Research Fellow, Center for Comparative History and Politics, Perm State National Research University (Russia).

E-mail: lyukuznetsova@yahoo.com